

ПАБЛО НЕРУДА

—
ЗВЕЗДА И СМЕРТЬ
ХОАКИНА МУРЬЕТЫ,
ЧИЛИЙСКОГО РАЗБОЙНИКА,
ПОДЛО УБИТОГО В КАЛИФОРНИИ
23 ИЮЛЯ 1853 ГОДА

●
ДРАМАТИЧЕСКАЯ КАНТАТА

■
Перевод с испанского
ПАВЛА ГРУШКО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ХУАН ТРЕХПАЛЫИ.
АДАЛЬБЕРТО РЕИЕС, ТАМОЖЕННИК.
СМУГЛАЯ ПЕВИЦА.
ЧЕРНАЯ ПЕВИЦА.
БЕЛОКУРАЯ ПЕВИЦА.
КАБАЛЬЕРО МОШЕННИК.
БАЛАГАНЩИК НА ЯРМАРКЕ
(все тот же Кабальеро Мошенник).
ПРОДАВЕЦ ПТИЦ.
БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ.
ИНДЕЕЦ РОСЕНДО ХУАРЕС.

БАЛАХОНЫ И ПОДПЕВАЛЫ.
МУЖСКАЯ ГРУППА, состоящая из шахтеров,
крестьян и рыбаков, и ГРУППА ЖЕНЩИН,
в которых угадываются их жены или род-
ственницы. Все они, наделенные какой-либо
чисто чилийской чертой, попеременно вы-
ступают в сценах, носящих название «ХОР».
ГОЛОС ПОЭТА.
ГОЛОС ХОАКИНА МУРЬЕТЫ.
ГОЛОС ТЕРЕСЫ МУРЬЕТЫ.
ХОР МАЛЬЧИШЕК-ГАЗЕТЧИКОВ.
ХОР ЗАЗЫВАЛ.

ДЕЙСТВИЕ РАЗВЕРТЫВАЕТСЯ В ШЕСТИ КАРТИНАХ:

1. Отплытие из Вальпараисо
2. Плавание и свадьба
3. «Заваруха»
4. Борзые и смерть Тересы
5. Звезда Хоакина
6. Смерть Мурьеты

Пролог

В зале и на сцене гаснут все огни.

ГОЛОС ПОЭТА

Рассказ этот долгий — о пламенном сердце чилийца,
о парне простом и отважном. А память о нем — боевая секира.
Пора наступила могилу открыть, где покоится светлый убийца,
в гробницу забвенья пробраться, где прах его спрятан от мира.

Быть может, в нем спал полководец, и я сожалею,
что нам говорить не случилось, а то б — за бутылкой хмельною —
я часа дождался, когда б он в Историю вторгся с несметною
ратью своею.

Быть может, обманутый ветром, он просто ошибся тропюю...
Пролитая кровь, как тавро огневое, ладони ожгла лиходею,
сто лет пролетело, и нам его жизни не сделать иною,
поэтому мы и начнем — без него и бутылки — в минуты спокойные эти
рассказ о моем земляке, о разбойнике славном:

о Хоакине Мурьете.

■ ■ ■

Картина первая

ОТПЛЫТИЕ ИЗ ВАЛЬПАРАИСО

Ярко освещается сцена. Музыка. Хор, а с ним участники спектакля выходят, как бы открывая представление в античном театре.

ХОР

История долгая эта, которая всех ужаснет, нарождается ныне
в гористой теснине, которую Полюс нам дал во владенье, а море и снег
не поделят.

Здесь крыши и груши мокры от дождя, и блестят виноградники Чили,
и, словно серебряный кубок, в который угрюмая полночь сочит
свои бледные вина,

луна прибывает среди бальзамина, майтена, жасмина, пеумо, душицы,
фасоли и лавра, умытых росю.

В то время явился земному простору малыш смуглокожий,
и ночью погожей — он луч молодой, а зовется Мурьета.

В мерцании лунного света не ведают люди, что в зыбке
спит луч молодой, а луна в эту пору заходит за гору,
он, мальчик чилийский с оливковой кожей, из тех, что не плачут.
Отчизна ребенку вручила медали студеных полей и пылающей пампы:
она его тело жарюю и стужей для битв закалила, как лемех для вспашки,
и голос его — словно вызов, а руки его — две угрозы!..

Мерцанием золота залито Чили от моря до взгорий, и к Порту
стекаются толпы, влекомые дальним миражем: поселки пустынные,
покинут Кокимбо, Кильота, у пристаней Вальпараисо стоят бригантинны.

Актеры приветствуют зал: мужчины прикладывают руку к сердцу, женщины машут букетиками. В это время по проходу зрительного зала, к сцене и обратно, пробегают Мальчишки-газетчики.

ХОР МАЛЬЧИШЕК-ГАЗЕТЧИКОВ

- Газета «Феррокарриль»! Приятная весть!
- «Меркурий»! Спешите прочесть!
- Золото в Калифорнии!
- «Феррокарриль»! Кто проворнее?!
- Покупайте «Меркурий»!
- Золото!
- Не клюют и куры!
- Реки золота!
- Море золота!
- Горы золота намолото!
- Золотишко в Калифорнии!
- Самое отборное!

В верхней части сцены — шествие Зазывал, они в масках: техасцы, люди в балахонах и т. п. Зычные голоса с иностранным акцентом, усиленные рупором, гремят из-за сцены.

ГОЛОСА ЗАЗЫВАЛ

- Золото! Gold! * Цветом жёлт! Чилинята, за лопаты!
- Gold! Gold! Чем больше gold — тем меньше голод!
- За золотом в Сан-Франциско! Никакого риска!
- Голодные, холодные, ко мне! Я золото, а золото в цене!
- Слаборазвитенькие, на корабли! Пока все золото не увели!
- Золото в горсти — сто быков пасти!
- Золото в мошне — ездить на коне!

ХОР

Мясо все дороже!
Не купишь молока!
Ни хлеба, ни одежды
нет у бедняка!..

ГОЛОСА ЗАЗЫВАЛ

- Ко мне, ко мне! Я золото, а золото в цене!
- Говорит Voice of California! ** Выгода бесспорная!

ХОР

На землю летят шляпы, одежда, корзины.

За золотом!
За золотом!
Разочтемся с голодом!

Женщины из Хора бросают на землю цветы и топчут их.

За золотом! За золотом!

Мальчишки-газетчики бросают под ноги кипы газет и кричат вместе со всеми.

В Калифорнию на прииски!
Корабли стоят у пристани!

Вверху сцены, с одного края на другой, медленно проплывают огромные браслеты, часы, кольца и другие драгоценности — все аляповато позолоченное. Толпу охватывает безумство.

Хватит пухнуть с голода!
Бог даст — намоем золота!
Золото в мошне — ездить на коне!
Хватит пухнуть с голода!

* Золото! (Англ.)

** Голос Калифорнии (англ.).

Бог даст — намоем золота!
Золото в горсти — сто быков пасти!

Во время этой сцены участники Хора воздвигают бригантину и поднимают на ней паруса. Напевая Морскую Песню, все впрягаются в канаты и подтаскивают судно к авансцене. Мало-помалу песня затихает, становится музыкальным фоном, мелодией без слов. Хор поднимается на борт бриган-
тины.

МОРСКАЯ ПЕСНЯ

Прощай, прощай, прощай...
Мы спешим в благодатный край.
Прощай, прощай, прощай...
Там сыто живут и в тепле.
Прощай, прощай, прощай...
Мы плывем на большом корабле.
«Прощай, прощай, прощай!» —
кричим мы родимой земле.
Прощай, прощай, прощай...
Мы из ада отправились в рай.
Прощай, прощай, прощай!
Прощай, прощай, прощай...

На последних звуках Морской Песни возникает Диалог Таможенника и Трехпалого, которые во время предыдущей суматохи вынесли на сцену кресло и стол с бумагами.

ДИАЛОГ ТАМОЖЕННИКА И ТРЕХПАЛОГО

Таможенник. Стойте! Стойте! Сюда нельзя!
Трехпалый. Тогда я пошел!
Таможенник. Но, сеньор, здесь нет выхода!
Трехпалый. Значит, сюда нельзя?
Таможенник. Нельзя.
Трехпалый. А выхода нет?
Таможенник. Нет.
Трехпалый. Где же выход?
Таможенник. Выход один: не входить и не выходить.
Трехпалый. Это как же?
Таможенник. Заглянем в инструкции... Откуда вы? Куда следуете?
Как вас зовут? И вообще, что вам надо?
Трехпалый. Вот это разговор. Звать меня Хуан Трехпалый. Еду я в Калифорнию. С доном Хоакином Мурьетой..
Таможенник. Всё принесли?
Трехпалый. А то как же. Вот лопата, ломик. Что еще? Штаны..
Таможенник. Я о документах! У вас есть свидетельство о праве на наследство?
Трехпалый. А с чем это едят?
Таможенник. Свидетельство о браке или справка о сожителстве?
Трехпалый. Не думаю..
Таможенник. Справка о доходах?
Трехпалый. А это как?
Таможенник. Такая розовая бумажка.
Трехпалый (*роется в карманах, извлекает розовую бумажку*). Эта?
Таможенник. Нет. Это закладная.
Трехпалый. Не годится?
Таможенник. А ну-ка, что там у вас заложено? Скрипка! Взбрет же такое на ум!.. Нет, не годится! Справка об уплате налога? Свидетельство о прививках? У вас есть конный выезд?
Трехпалый. Нет, своего конягу я оставил в Киликуре.
Таможенник. Собака?

Трехпалый. Была.
 Таможенник. Кошка?
 Трехпалый. Нету.
 Таможенник. Итак. У вас ничего нет. Оставьте здесь закладную и — милости просим на будущий год... Неужели у вас так ничегошеньки и нет?.. Метрика, по крайней мере?..
 Трехпалый. А зачем мне метрик, золото не на метры меряют...
 Таможенник. Ну, знаете! Мы запишем вас идиотом — сами себе доставите хлопот...
 Трехпалый. Доставить справку о хлопотах?
 Таможенник. Хватит валять дурака! Так куда вы отправляетесь?
 Трехпалый. Еду с Мурьетой рыть золото. Мы отплываем на бригантине...
 Таможенник. Так бы и сказали! Зачем вы заставляете меня тратить время попусту?
 Трехпалый. Откуда мне было знать? Поехали вместе, если хотите.
 Таможенник. Чего же мы ждем? Поехали! В путь! Эти бумажки сидят у меня в печенках! Целый день как белка в колесе! Это за гроши-то, которые нам платят! Где, вы говорите, есть золото? Куда ехать?
 Трехпалый. В Калифорнию, я же сказал. Весь честной народ двинул туда.
 Таможенник. Ставь паруса! Отчаливай! Помогите собрать бумаги и пошли!
 Трехпалый. Слышь-ка, а что, если ничего не складывать, ей-богу лучше. К чему вся эта волынка? Лучше порвать!
 Таможенник. Как вы можете!.. Речь идет о документации, о регламентации, о нумерации, о пролонгации, о реляции...
 Трехпалый: И о насебетаскации... К дьяволу бумажонки! Когда мы вернемся, будем купаться в золоте.
 Таможенник. Пожалуй, вы меня убедили.
 Трехпалый. А вот поглядим, как летают все эти сертификации!

Подбрасывает одну из бумажек в воздух. Таможенник робко делает то же самое. Начинают обеими руками подбрасывать охапки бумаг, которые разлетаются по всей сцене. Одновременно сверху обрушивается на сцену настоящий бумажный ливень.

Таможенник. А я еще хотел дать вам свидетельство об идиотизме!

Таможенник и Трехпалый под ручку направляются к кораблю. За ними торопливо идут четверо или пятеро опаздывающих. Сзади всех бежит Девочка. Все продолжают напевать вполголоса Морскую Песню, которая обрывается в тот момент, когда раздается чей-то голос.

Голос. Мурьета!

Все. Хоакин! Хоакин Мурьета!

Наступает тишина. Все замирают, глядят в сторону, кроме Девочки, которая возвращается к краю сцены и подает руку снопу света, падающему в этот момент сверху. Одновременно на большом парусе появляется проекция зеленого и белого света, как бы передающая цветовую гамму чилийских гор — покрытых виноградниками склонов и побеленных снегом вершин. На фоне этого пейзажа возникает силуэт человека: он приближается, подходит все ближе и ближе, пока на парусе не остается огромный профиль, обращенный к горизонту. На сцене притухают все огни. И когда Девочка, идущая за снопом света, замирает вместе с ним у борта корабля, окаменевают на парусе и профиль человека. В это время на фоне музыки возникает Хор.

ХОР

Под гибкими ветлами цвел он: и плавал в реке, объезжал жеребцов
 и забрасывал лассо,
 он жарко мужал, обучал свою душу, глаза, свои руки, а шпоры звенели,

когда он из красных осенних чащоб выезжал на своей оловянной кобылке. С ним горы дружили, угрюмые скалы, замшелые камни и ветер-отшельник, он руки поранил о реки, кроящие снег ароматный в ущелиях белых, Свобода его напоила — целебная дикая сила, что метит лишь смелых, а ярость и светлую гордость вселяет в немногих, и все их дороги в ее протоколах отмечены, чистых, как пламя, и этот избранник не знает, что путь его ясен заране, что парень убийцею станет, а позже и голову сложит.

Далекий голос. Хоакин! Хоакин Мурьета!
Девочка. Вот он!

Оживший сноп света поднимается на корабль. Проекция исчезает. Полная
темнота.

ГОЛОС ПОЭТА

Так было, дружище, и эти стихи я пишу, чтобы люди узнали и знали о вольном чилийце, погибшем в изгнание, давайте ж помянем того, кто скитался, погиб и остался бескрайним преданьем...

Я только что детство воспел Хоакина, мы знаем: чилийского сына убила чужбина, и старцы в ночи батракам говорят о скитальце, а чудится, будто бы шепчутся старицы, ливень свистит
или плачет метель на утесах...

Вулкан Аконкагуа помнит, как парусник с парнем дорогу торил
в нескончаемой сини,
как парня звала Калифорния страстными зовами смерти и золота
к черной кончине.

■ ■ ■

Картина вторая

ПЛАВАНЬЕ И СВАДЬБА

На сцене зажигается свет. Палуба корабля. Виден только огромный белоснежный парус. Внизу с трудом можно различить мореплавателей: все они окаменели в позах людей, начинающих плясать чилийскую куэку. На свет просцениума выходят Чтецы. Во время чтения два силуэта, спроецированные на парус, как в театре теней, в полной тишине отплясывают куэку, символизирующую встречу и любовь Тересы и Хоакина.

ХОР

Но в плаванье этом неблизком, на паруснике маулийском к Мурьете любовь постучалась, и парень два карие глаза заметил. Он чувствует робость и храбрость, во власти тревожной напасти, Тересой зовут его счастье, и он не встречал в своей жизни крестьянок,

подобных Тересе, которая губы и кровь Хоакина голубит,
и здесь, в океане,
где парусник белый кочует в тумане, любовь его сладко дурманит,
и парень предчувствует, знает, что эта любовь не увянет,
и чувствует, верно, что все это кончится скверно, что смерти он сужен,
но просит Тересу, невесту свою, чтобы здесь, на борту, назвала его
мужем —
так в море весеннем объездчик коней Хоакин заарканил крестьянку
Тересу,
и тут же искатели дальнего злобного золота свадьбу сыграли,
а рядом огромные волны ревели в своей неизбывной печали:
таков человек и его слепота в круговерти невечного счастья —
любовь запалила костер в океане, но смерть этот свет уже застит.

Зажигаются огни на палубе. Ночь. Темное небо. Улетучились с паруса пляшущие тени. Оживают застывшие люди: они аплодируют куэке. Тут и там видны гирлянды, украшения из цветной бумаги, цветы, стаканы и бутылки. Музыканты настраивают гитары.

ГОЛОСА

- Еще одну куэку!
- Эй, народ, а не пора ли спать?
- Молодые уже ушли!
- Пойдем поглядим на них в замочную скважину!
- Куэку!
- Братцы, еще одну куэку, и баста!
- Начали!

В пьяный гомон врывается Мужской Напев. На палубе воцаряется атмосфера буйного кутежа: это не только грубое веселье, но и слепой вызов смерти. Женщины напуганы, завернувшись в свои черные шали, они отступают в глубь сцены.

МУЖСКОЙ НАПЕВ

В Калифорнию, сеньоры,
я отчалил поутру.
Повезет мне — приглашаю
всех друзей в мою нору!
А со смертью повстречаюсь —
как чилиец я умру!
Чилиец не знает страха,
сердце мое — медь.
В зубах у меня наваха,
попробуй-ка одолеть.
В дураках меня не оставишь,
что посеешь, то и пожнешь.
Капкан на меня поставишь —
сам в него попадешь!
Заморскому золоту крышка —
иметь ему дело со мной,
дороется до золотишка
нож отточенный мой!
Кто хочет домой, тому
выход один — за корму:
боишься судьбы превратной —
значит ты не боец,
в море — и делу конец! —
за рыбами. в путь обратный!
В Калифорнию, сеньоры...

Яркая вспышка молнии внезапно прерывает буйство мужчин. Они застывают в неподвижных позах. Женщины, которые во время исполнения Мужского Напева медленно выходили вперед, обтекая сцену по краям, останавливаются спиной к публике. При вспышке молнии они резко поворачиваются и читают (в унисон, отдельными группами или же сольно) Женский Хор, ритм которому задан ударами тамбурина.

ЖЕНСКИЙ ХОР

Лишь время отныне поет свою жалобу на бригантине,
косматые волны печальный и вечный парад свой открыли.
Душа моя гаснет, ей так одиноко в унылой пустыне,
все дальше и дальше отчизна — не вижу я берега Чили.
Любимые наши за золотом нас увлекли на чужбину,
за ними сквозь холод и зной мы пошли через землю и море,
для них мы покинули бедный наш дом над рекой Био-Био,
простились с могилой отца и оставили матушку в горе.
Мы чувствуем сердцем — нерадостный выпал нам жребий,
нам впредь не увидеть, как склоны Ангола колышет пшеница,
полей золотых не увидеть, чилийского месяца в небе,
мы знаем, что золото наше потом во врага превратится,
что нас на чужбине
закрутит, завертит,
рассорит, низринет
в объятия смерти...

Женщины отступают в глубь сцены, и мужчины снова бросаются в водоворот веселья, распевая строфу «В Калифорнию, сеньоры...» и т. д. В конце припева — шумные аплодисменты и гогот. Веселье прерывается Голосом Поэта.

ГОЛОС ПОЭТА

Тише, ребята!

Созвездия, полночь и парусник наш под луной
месяц медовый одаривают медовою тишиной...

Гуляки на цыпочках ретируются, приложив палец к губам — как бы прося тишины. На сцене гаснут все огни. Глубокое небо, усыпанное мириадами звезд. Сноп света выхватывает из темноты лица Трехпалого и таможенника Рейеса, которые, облокотившись на борт, беседуют, поглядывая на горизонт. Видны только их лица.

Диалог Трехпалого и Рейеса

Рейес. В таможне я умирал со скуки. А здесь меня укачивает. Слишком много моря для меня. А тут еще женитьба Мурьеты на Тересите. Как вы объясните все это, сеньор Трехпалый? Не кажется ли вам, что все произошло слишком быстро?

Трехпалый. Вся хитрость в том, дружище Рейес, что вы из тех, кто едет тихо, а Мурьета из тех, кто скачет лихо. Девушка ему приглянулась, и вот вы их видите в каюте: женушка с муженьком, голубка с голубком. И уж они время попусту не тратят, не то что мы.

Рейес. Столько моря со всех сторон, даже под кораблем. А берега и не видно. Правду говорят: без таможен жить нельзя — я возвращаюсь в Вальпараисо.

Трехпалый. Мне всегда казалось, что у вас не лицо, а лицензия, сеньор Рейес! Не обижайтесь, посудите сами, если вы прыгнете в воду, вы далеко не уплывете: встретитесь с тунцом, и дело с концом. Человек живет на суше, а не под водой. И хлебнете же вы лиха там, внизу, дон Адалберто! Да и золота в море нет.

Рейес. Откуда вы, Трехпалый?

Трехпалый. С севера, из Копьяпо, да будет вам известно. Шахтер... Там, на моей земле, меж двух вершин, я и оставил два лишних пальца. Нажимать на курок и одного хватает.

Рейес. На какой еще курок? Дружище, зачем вы меня пугаете?

Трехпалый. Как же я могу вас напугать, когда вы и без того пуганый?

Рейес. Вы думаете, ожидается катавасия?

Трехпалый. Где золото, там и катавасия, мой сеньор. Такой уж это винегрет. И нам его придется отведать, какой он ни есть: личный вкус не имеет значения.

Рейес. Расскажите что-нибудь про Мурьету. Вы его давно знаете?

Трехпалый. Я видел, как он рос. И вот что я скажу: он по замесу вожак. Прямой, как древко знамени. С этим парнем поосторожней: он не терпит обид. Он рожден непокорным. Я при нем за дядьку и за проводника. Куда он, туда и я. Мы делим с ним бедняцкую судьбу, бедняцкий хлеб и бедняцкие тумачи. Но я не жалуюсь. В шахте учишься сносить все. А руда, когда ее достаешь, — как звезда.

Рейес. Не преувеличивайте, дружок, здесь внизу нет звезд.

Трехпалый. Поглядите наверх. Они поблескивают, словно прощаются с нами. Это звезды Чили. Лучшие из лучших. Они похожи на жасмины! Там, на севере, в пампе, на холмах ночь куда темнее, а звезды будут побольше этих. Иногда по ночам мне становилось страшно. Казалось, подниму голову с подушки и ударюсь о звезды головой, так что разобьются они над нашей нищетой... Интересно, сколько их?

Рейес. По крайней мере, здесь внизу — ни одной.

Трехпалый. Они и здесь есть, дружище, только надо научиться доставать их. Но кто не умеет, тот научится. Там наверху, должно быть, найдется и для нас несколько звезд. Смотрите — эта, что вам подмигивает, должно быть, ваша. А вон та — красная — моя!

Рейес. А Мурьетина?

Трехпалый. А Мурьетина — у него в каюте, в постельке, горяченькая...

Свет на сцене гаснет, а звезды начинают увеличиваться, пока не превращаются в огромные светящиеся цветы. На сцене только в одном из иллюминаторов виден тусклый свет. Оттуда доносится Голос Хоакина и Голос Тересы. Рокот моря.

ЛЮБОВНЫЙ ДИАЛОГ

Голос Хоакина. Я жил тобой еще до встречи нашей,
свою свободу для тебя берег,
добра иного в жизни я не нажил,
лишь нож со мною да костей мешок.

Я рос как вырос — сам себе хозяин.
А вышло, что тебе я отдан весь,
что ты — моя хозяйка. Сам не знаю,
куда девалась вся былая спесь.

Голос Тересы. Крестьянка я. Со склонов Койуэко
я на корабль пришла, чтоб жизнь моя
твоей была, отныне и до века,
и смерть, когда тебя покину я.

Голос Хоакина. На ощупь твои плечи — как левкои
из Каранпанге... Трону дикий рот —
и слышу аромат ореха, хвои.
Коснусь волос — цветами гор пахнет.

Любимая, прильни ко мне волною —
прозрачною прохладой ручья,
прижмись, и будет пахнуть грудь моя —
как дерево, умытое росой.

Голос Тересы. Я слышала: любовь — огня лютей?
Но поцелуешь — и спокойна снова?..

Голос Хоакина. Нет у любви ответа для людей:
не знает вишня, отчего вишнева.

В Ранкагуа я жил в полях пшеницы,
шел в Мелипиле к смоквам на постой.
Все, что я знаю, я узнал у птицы,
травы, ручья — у простоты земной.

Я в хитростях любовных смыслю мало,
я увидал тебя — и полюбил.
Ты первую моей заботой стала.
Я прежде и гроша не накопил.

Теперь я жажду золота, чтоб стену
вокруг твоей воздвигнуть красоты.
Свое я сердце в золото одену —
за ним, как за стеною, будешь ты.

Голос Тересы. Твой рост высокий — лучшая защита,
я нежностью твоей от бед укрыта,
дороже золота твой плуг, твой пот.
Моя любовь хрупка, как замок зыбкий,
его опора — ты, твои улыбки.

Разлюбишь ты, и замок упадет.
Голос Хоакина. Мне нравится, как речь твоя течет —
в ней чистота неторопливых вод.
Лишь ты да ночь в моей душе звучат.
Ты и не знаешь, как я нынче рад!
Тебя целую — Чили я целую..

Голос Тересы. Однажды, милый, мы в страну родную
вернемся!

Голос Хоакина. Золото — наш путь назад.

Безмолвие. В темноте продолжает светиться иллюминатор в каюте Мурьеты. Возникает песня Поющих не видно. Это все тот же Мужской Напев.
Но исполняется теперь только одна строфа с припевом.

В Калифорнию, сеньоры,
я отчалил поутру.
Повезет мне — приглашаю
всех друзей в мою нору!
А со смертью повстречаюсь —
как чилиец я умру!

В Калифорнию, сеньоры,
я отчалил поутру...

Тишина. Гаснет свет в иллюминаторе.

■ ■ ■

Картина третья

«ЗАВАРУХА»

Свет вырывает из темноты стоящего на авансцене Певца. Панорамная проекция Сан-Франциско, каким он был в 1850 году. Это гравюра того времени. Каждая строфа Мужского Напева сопровождается новой проекцией с соответствующим видом. В конце — гравюра с интерьером таверны, похожим на декорацию к этой картине.

МУЖСКОЙ НАПЕВ

Раньше всех, как лошадь в мыле,
к золоту примчало Чили!
Сан-Франциско той порой
с виду был — дыра дырой:
только дождь и мыл песок
в золотой столице,
в переулках тихих тѣк
и домишки, как батог,
стегал по черепице.

Спал унылый городишко,
вдруг блеснуло золотишко,
объявилась божья милость,
тут полиция явилась:

где нажива —
там и Черт,
этот живо
допечет!

Свет богатства, денег шалых
до утра в порту не гас:
на причалах
одичалых
золото пустилось в пляс!
Только первый, кто достиг
золотого мыса,
был чилийский наш старик
из Вальпараисо!
А из первых, кто до дыр
проплясал сандалии,
был исколесивший мир

бродяга из Овалье.
А из тех, что вслед приплыли,
был и негр из Мелипильи,
и юнец из Вальенара,
что женился с пыла, с жара,
и бедняга из Икике,
выпивоха превеликий,
тот, что в бухту Сан-Франциско
ухнул, не издав и писка:
напился воды соленой —
поделом, не пей зеленой...
Но судачить про такое —
дело, братцы, не мужское.
А заметим мы другое:
первый, кто приплыл
в эти земли издалёка
(хоть и не было в том прока), —
он чилиец был!

Из темноты появляется таверна «Заваруха» — подобная той, что была на гравюре. Здесь много чилийцев, мексиканцев, перуанцев и других латиноамериканцев. В глубине — группа Рейнджеров, на них тexasские шляпы. Слышен мотив «Oh, Susannah, don't you cry for me*...» Чилийцы первыми начинают разговор, который захватывает остальных. Здесь же Трехпалый и Рейес. Шум, оживление.

Первый. Начали мы ни свет ни заря. Весь день работали не покладая рук. Кое-что добыли... На этих мойках больше грязи остается, чем золота.

Второй. Больше пота, чем золота...

Третий. Я намыл две унции.

Четвертый. А я пять. Не жалуюсь.

Все. Да, братцы! Приходится попотеть! Золото любит пот!

Первый. А у вас, дружище?..

Второй. Да уж не спрашивайте...

Первый. Что, плохи дела, старатель?!

Второй. Не старатель, а стиратель.

Первый. Как это понимать?

Второй. Прачечная у меня.

Третий. А у меня пекарня.

Четвертый. А у меня мелочная лавка.

Аргентинец. Ну и чилийцы! Нигде не пропадут! А я учитель танцев (делает несколько па). «Иностраночка, не спеши! Подвигай ножками, попляши!..»

Все. Танцев — хоть отбавляй, вот только золота мало!

Первый. А как дела у Мексики?

Мексиканец. Если говорить начистоту, то чего греха таить — едва намываем на лепешку с перцем. В день по зернышку...

Все. Сто потов прольешь
и к вечеру найдешь
золотое зернышко,
мелкое, как вошь!

Чилиец. Баста! Что мы, на панихиде, что ли?! Обмоем золотишко, хоть его и мелочишка.

Второй. Эй, парень!

Рейнджеры (у своего столика, в глубине). You must say boy!**

Чилиец. Эй, бой-парень! Налей-ка чичу!

* «О, Сусанна, не плачь обо мне...» (англ.).

** Вы должны сказать «бой»! (Англ.).

Все. Эй, бой-парень! Чичу на всех!

Подавальщики не шелохнутся. Вперед выходят Рейнджеры, в руках у них большие револьверы. Один из Рейнджеров остается в центре, другие целятся в присутствующих.

Тот, что в центре. You are new in California. Here's no chicha.
In California you must have whisky!*

Первый. Но мы хотим чичу!

Все чилийцы. Хотим чичу!

Все Рейнджеры. No chicha here! Whisky! Whisky! Whisky!**

Приставляют револьверы к вискам чилийцев.

Чилиец. Бой-парень, виски!

Второй. Надо просить с water!***

Все чилийцы. Виски с ватер-клозетом!

Рейнджеры удаляются. Настроение у присутствующих падает. Несколько мгновений тишины.

Рейес (Трехпалому). Похоже, брат, что надо держать ухо востро.

Трехпалый. Да, брат! Конечно, мы из Чили не за медом сюда ехали. И все же вы правы — теперь держи ухо востро!

Рейес. Интересно, который сейчас час в Вальпараисо?

Люди замерли. Глаза устремлены в бесконечность. Без всякого объявления на помосте появляется Смуглая Певица. Она исполняет свой номер как воспоминание — как нечто, проносящееся в памяти чилийцев. Свет выхватывает Певицу из темноты, остальные остаются в полумраке.

СМУГЛАЯ ПЕВИЦА

Вы просите спеть о любимом моем, вы глядите с вопросом: вам знать интересно, кем был он — солдатиком или матросом?

У горной реки родилась я, клокочущей под облаками,
мне небо казалось потоком, где звезды и синие камни.

Поток этот звать Био-Био, он так далеко, и похоже,
что нету его, но во мне он звучит — и тоска меня гложёт!

Я слышу во сне, как стремнина ворочает синие камни,
а утром — лишь черные стены, и уши закроешь руками,

и чувствуешь боль, она комкает рот и в душе копошится,
и тут же гитару сорвешь со стены, чтобы песней пролиться...

Вы спросите, кто он — матросик, солдатик, юнец или старец, —
и я вам отвечу: он синий поток — мой далекий скиталец!

Словно по волшебству, Смуглая Певица улетучивается. Загорается свет. Печальные хлопки. Нарастает стук подков, приближается, замирает у входа. Появляется одетый во все черное Всадник. У него усталый вид. Он взволнован.

Всадник. Слыхали новость?

Трехпалый. Какую новость?

Всадник. Убили семнадцать человек!

Рейес. А мне что до этого?

Всадник. Они были чилийцами!

Чилийцы. Проклятье!

Всадник. А еще трех мексиканцев...

* Вы теперь в Калифорнии. Здесь нет чичи. В Калифорнии вы должны пить виски! (Англ.)

** Нет чичи здесь! Виски! Виски! Виски! (Англ.)

*** Водой (англ.).

Мексиканцы. Сволочи!
Чилиец. Где это случилось, приятель?
Всадник. В Сакраменто. Их вытащили из постелей и велели рыть ямы. Потом пристрелили!
Чилиец. За что их убили?
Мексиканцы. А все потому, что мы не блондинчики, брат! Они думают, господь дал им рыжие волосы как премию! Они мнят себя племянниками божьими оттого, что у них поросычья кожа!

Пауза.

Трехпалый. На днях убили еще десятерых! На них возвели напраслину, будто они приколошили этого Конли, потрошителя чилийцев!

Первый. Ну что ж. Теперь они мертвы... Их и закопать-то как следует не закопали. До сих пор из ямы торчат ноги.

Второй. А Роблес, помните Роблеса? Только он и спасся.

Рейес. К черту! Трехпалый, все это мне не по вкусу! Разве вы не видите, что нас принимают за негров?! Лучше я вернусь в таможню!

Трехпалый. Теперь уж не стоит, дон Рейес. Авось обойдется...

Все садятся, опечаленные. Снова меняется освещение. И как одно из новых воспоминаний — появляется Черная Певица.

ЧЕРНАЯ ПЕВИЦА

(спиричуэл)

Down goes the river. Река течет к морю —
Down to the south. на юг, на юг.
I've lost my ring. Кольцо свое и душу
I've lost my soul. я потеряла, друг.

Go, sailor, go, but don't inquire Моряк, ступай, не спрашивай,
where I have hidden my own heart! где душу найти мою.
My heart is there, there, there Далеко-далеко моя душа —
in no man's land. там, в ничейном краю.

Down go the winds, Вниз летят ветры,
down go the clouds. облака — вниз.
I've lost my ring. Кольцо мое, где ты?
I've lost my soul. Душа моя, отзовись!

Down goes the river. Река течет к морю —
Down to the south. на юг, на юг.
I'll never see again my ring, Мне не найти колечка,
my ring, моего колечка,
I've forever lost my soul, я потеряла душу,
my soul. душу свою, мой друг...

На последнем слове двое в балахонах резко задерживают занавеску на помосте, где стояла Черная Певица.

Балахоны. Silence! No niggers here!*

Через плохо задернутую занавеску просовывается Кабальеро Мошенник, обликом и костюмом напоминающий Дядю Сэма. Он кричит, ударяя в большой барабан.

Кабальеро Мошенник. Уважаемая публика из слаборазвитых республик. Этот достопочтенный бордель, наша ни с чем не

* Молчать! Долой негров отсюда! (Англ.)

сравнимая «Заваруха» имеет честь представить вам Душу Калифорнии — Золотую Блошку!

Кабальеро Мошенник исчезает. Раздергивается занавесочка, и появляется Золотая Блошка, она стоит в золотой раме, завернувшись в черный бархатный плащ. Видны только ее лицо, волосы и золотистого цвета руки. Пьяные жадно тянутся к ней, пытаются ее облапить.

ХОР ПЬЯНЫХ

Ищет для мамыши
песочек золотой...
Птичка-невеличка,
рыть песок постой!
По песочку птичка
прыг да скок!
Слышишь, невеличка,
полно рыть песок!
Гринго нашу птичку
пустит без песочка,
песочек — в свой мешочек,
птичку — щелк! — и точка!
Муж тебе не нужен?
Я добрым буду мужем!
Сваришь суп на ужин —
и знай себе свищи!
Птичка-невеличка,
для своей мамыши
песочек не ищи!

Пока пьяные исполняют этот номер, Белокурая Певица мало-помалу освобождается от плаща и других одеяний, демонстрируя своеобразный «стриптиз», покамест не остается почти совсем обнаженной, в золотистой сетке-трико.

БЕЛОКУРАЯ ПЕВИЦА

Lovely boy, don't talk to me!	Не говори со мной, малец!
I want to see your daddy first!	Сначала пусть придет отец!
Please call your uncle Benjamin and you grandfather Seraphim!	Да кликни дядюшку Джима да дедушку Серафима!
Lovely boy, don't talk to me!	А ты, дружок, ступай-ка мимо!
I am so far you won't believe!	Поймать меня стоит труда!
I am so cold as star fish!	Я холодна, как морская звезда!
Don't talk to me I think because your daddy is born for me!	Не говори со мной, малец! Мне пара не ты, а твой отец.
Or your uncle Benjamin! Or your grandfather Seraphim!	Или твой дядюшка Джим, или дедушка Серафим!

Последние слова покрывает гром аплодисментов вперемежку с оглушительным свистом. Появляется Кабальеро Мошенник, он пытается обратить на себя внимание.

Кабальеро Мошенник. А сейчас, глубокоуважаемая публика!..

Шум не утихает. Прорываются голоса Рейеса и Трехпалого.

Рейес. Как вам нравится эта птица?

Трехпалый. Прикокошить? *(Тянется к револьверу.)*

Рейес. Не сходите с ума, приятель! Разве вы убийца? Одна птица в облаках лучше дюжины в руках.

Трехпалый. Помяните мое слово: эта птица вытрясет из нас душу и нарядится в наши перья...

Кабальеро Мошенник достает револьвер и стреляет в воздух. Шум смолкает. Одновременно слышатся еще шесть выстрелов. Вваливаются Подпевалы. Каждый из них угрожающе надвигается на группу присутствующих.

Подпевалы. А сейчас коронный номер Калифорнии!

Кабальеро Мошенник. Прибыл я из Сан-Бласа.

Я игрок наивысшего класса.

Подпевалы. Он игрок наивысшего класса...

Кабальеро Мошенник. Прямо из Санта-Инес.

Я зеркало честности, yes.*

Подпевалы. Он зеркало честности, yes.

Кабальеро Мошенник. А недавно несут телеграмму, гляжу — зовут в Санта-Маму.

Подпевалы. Глядит — зовут в Санта-Маму...

Кабальеро Мошенник. В Сан-Мельчоре, признаться надо вам, я был принят самим губернатором.

Подпевалы. Он был принят самим губернатором...

Кабальеро Мошенник. Правда, в Санта-Лусии

в полиции меня допросили.

Подпевалы. В полиции его допросили...

Кабальеро Мошенник. В Сан-Рамон, принявши за вора, меня выслали, вот умора!

Подпевалы. Его выслали, вот умора...

Кабальеро Мошенник. А теперь — прошу откровенности *(снимает шляпу)*:

есть деньги у вас или ценности?

Подпевалы. Есть и деньги у них и ценности!..

Кабальеро Мошенник. И вы убедитесь, что я честный малый, друзья...

Подпевалы. Он честный малый, друзья...

Кабальеро Мошенник. А сейчас —

глаз да глаз:

вот сомбреро

моего размера,

заглянем в него —

там нет ничего.

Подпевалы. Там нет ничего...

Кабальеро Мошенник. Ничего там нет *(показывает)*:

ни монеток,

ни монаток,

ни минуток,

ни монет,

все в порядке,

взятки гладки,

а теперь —

зверь!

(Достает из шляпы белого кролика.)

Публика.

Зверь!

* Да *(англ.)*.

Кабальеро Мошенник. А сейчас я воспользуюсь шляпою
и яичницу вам состряпаю,
яичницу небывалую,
всех побалую.

Подпевалы. А теперь глядите сами:
яичница с часами!

Кабальеро Мошенник. Маслица сначала,
чтоб не подгорала
(из большого ковша плеснул в шляпу масла)...
Страусиное яйцо —
налицо!

*(достает огромное страусиное яйцо, разбивает его, выливает
внутрь шляпы).*

Подпевалы. Страусиное яйцо!

Кабальеро Мошенник. А теперь без проволочки
гоните часики, цепочки
(засучивает рукава)!

Положить мы их должны
на сковородку Сатаны.

Присутствующие достают огромные часы на золотых цепочках, но не решаются отдавать их. Подпевалы набрасываются на людей, бьют их палками по голове. Делают они это мастерски: свалив человека ударом палки, они одновременно поддевают палкой часы, сбрасывая их в шляпу Кабальеро Мошенника.

Кабальеро Мошенник *(цинично, к публике в зале)*. Как видите,
они сами
расстаются с часами.

Подпевалы. Они сами...

Кабальеро Мошенник. А теперь гляди, народ!
Открой глаза, закрой рот!
Все часы вкупе,
как в медной ступе —
в сомбреро моем
перетолчем!

(Толчет часы, слышен звон крошащегося стекла.)

Но пугаться рано,
не делайте постных лиц.
Конечно, странно,
что часики — вместо яиц.
Но в тысячу раз странней —
встретить столь глупых парней!

Кабальеро Мошенник и Подпевалы убегают. Обманутые застыли, потрясенные. Кричат.

Г о л о с а.

— Проклятый!
— Хватай его!
— Бей!
— Где же он?
— Вот он!
— Убежал!
— Переломать ему кости!
— Вытрясти душу!
— Каков мошенник!
— Сукин сын!
— Дерьмо!
— Мои часы!
— Мои часы!

— Мои часы!
— Мои часы!

Все бросаются к помосту, но едва начинают карабкаться на него, как из-за занавески появляется группа Балахонов: размахивая револьверами, Балахоны сдерживают толпу. Внезапно они набрасываются на присутствующих, избивают их, громят таверну.

Балахоны. Shut up! Damn you!
Go to hell! *
Крики. Мои часы!
Мои часы!
Балахоны. There is not часы!
Here you have it.**

Колотит одного из мексиканцев дубинкой по голове. Одна из женщин разбивает гитару о голову Балахона. Балахоны продолжают громить таверну. Столы разломаны, стулья разбросаны. На протяжении всей сцены — звуковым фоном — скрежет крошащегося стекла. Несколько неподвижных тел на полу. Балахоны пьют у стойки.

1-й Балахон. Every thing, all right!
2-й Балахон. I think so.
3-й Балахон. Let us see the часы!***

Четвертый Балахон сбрасывает накидку. Мы видим смеющееся лицо Кабальеро Мошенника. Он достает из внутренних карманов огромные позолоченные часы, любовно протягивает их Балахонам.

Кабальеро Мошенник. One.
Two.
Three.
Four.
Five.
Six.
Seven...****

Балахоны неторопливо уходят. Один из лежащих на полу приподнимает голову. Рядом поднимается еще одна голова.

Рейес. Вы все разглядели, приятель?
Трехпалый. Наполовину... По-моему, мне вышибли глаз!
Рейес. Разве я не предупреждал вас, приятель?
Трехпалый. Теперь у нас три глаза на двоих. Вполне достаточно...
Рейес. Достаточно. Но надо быть начеку!

С этого момента и до конца пьесы Трехпалый будет появляться с черной повязкой на глазу,

■ ■ ■

* Заткнись! Будь проклят!
Валяй в преисподнюю! (Англ.)
** Здесь нет!
Они у вас. (Англ.)
*** Понятно, все в порядке!
Тоже так думаю.
Ну-ка, посмотрим! (Англ.)
**** Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь... (Англ.)

Картина четвертая

БОРЗЫЕ И СМЕРТЬ ТЕРЕСЫ

ГОЛОС ПОЭТА

В краю незнакомом, по комушку нюхая землю, Мурьета с рассвета, весь день до заката, пока на костер темнота не накатит, все скачет, охотясь за тайною жилой, буравит земные потемки, он трогает камни, их колет, отбрасывает или холит обломки, мечтая найти потаенный металл и бессмертным остаться, смертельно усталый, он спит где попало, он ищет богатство глазами, в которых песок, и руками, которые сбиты о камни, и нет ни упрямей его, ни смелее в просторе бескрайнем и в этой затее: ни жажда, ни хищные змеи его удержать не сумели, его лихорадка трясла, и нередко его заметали ночные метели, но к цели он шел — ни дуэли, ни раны его не сдержали, семь раз умирал он, семь раз воскресал, чтобы ночью и днем все дальше и дальше скакать на коне тонконогом своем. «Постой, не гони,— говорит ему тень,— отдохни!» — но в далекой лачуге не спится подруге, и мчит Хоакин все проворнее по золотой Калифорнии, он скорбною вспышкой души проникает под камни и корни, желая добыть себе радость в награду,— мечтает Мурьета, вернувшись на родину, золото это раздать неимушим, но смерть стережет Хоакина, и золото вдруг полыхает сраженьем грядущим.

ХОР

За вспышкой золота ярость в горах расплескалась,
и злоба шакаля насильем, разворотом и кровью обрызгала дали,
и ветер наивный сменил свои дивные платья, свой ласковый голос.
И янки, затянутый в кожу, надев балахон, стережет чужестранца.

Луч света падает на середину сцены, где стоит группа Балахонов. Они совершают какой-то таинственный обряд, мрачный и одновременно гротесковый.

1-й Балахон. Кто отец?

2-й Балахон. Золото!

1-й Балахон. А сын?

2-й Балахон. Золото!

1-й Балахон. А мы кто?

2-й Балахон. Хозяева золота!

Все. Аминь!

1-й Балахон. Бог за индейца?

2-й Балахон. Бог отнял у индейца все земли!

1-й Балахон. А что бог сделал с ними?

2-й Балахон. Отдал их нам!

1-й Балахон. Наш пророк Салливэн так и сказал: «Наше высшее предназначение захватывать земли, доколе не станем владыками всего континента, препорученного нам самим Провидением для великого эксперимента Свободы».

В то время как эта фраза произносится по-испански, на экране проецируется факсимиле манифеста на английском языке.

1-й Балахон. Кто мексиканцы?

2-й Балахон. Индейцы и метисы!

1-й Балахон. Кто чилийцы?

2-й Балахон. Индейцы и метисы!

1-й Балахон. Каков наш долг?

2-й Балахон. Послать их к Дьяволу!

3-й Балахон. To hell! To hell!

4-й Балахон. Сжечь!

5-й Балахон. Повесить!

Загорается крест. Балахоны преклоняют колени, совершая ритуальный обряд. Капюшоны своими контурами напоминают головы шакалов и борзых.

1-й Балахон. Белая Раса превыше всего!

Все. Мы — Великая Иерархия! Белокурые Борзые из Калифорнии!
Только Белая Раса! (Удаляются.)

ХОР

С добычей в обнимку чилийские парни, устав от работы и золота, спали, и каждый был вновь землепашцем во сне, моряком, рудокопом, а к спящим, по тропам ночным, запахнувшись во мглу, натянув балахоны, стекались за жирной наживою вооруженные волки, и в страхе дрожали поселки, и не было людям защиты: вдруг залп — и чилиец, убитый во сне, коченеет во мраке, и воют собаки, так смерть заменила скитальцам все муки изгнания могилой.

Хор отступает в глубь сцены. Издали доносятся выстрелы и собачий лай. Группа бегущих женщин пересекает сцену. Одна из них несет на руках ребенка. За ними — группа мужчин: видно, что и они спасаются от преследования. Мужчины останавливаются, с видом заговорщиков сбиваются в тесную кучку и поднимают над головой небольшие флаги — чилийский и мексиканский. Слышен голос, исполняющий Женский Напев.

ЖЕНСКИЙ НАПЕВ

Поблизости рыщет борзая,
детей смуглокожих терзая,
и к нам, наверное, скоро
нагрянет клыкастая свора:
 снова чужая земля
напьется крови чилийца,
выстрел — и в смертном танце
закружатся мексиканцы,
расставшись с добрыми снами,
умрет в кровати панамец.
А с нами — что будет с нами?!
За кровью и золотом рыская,
шакалье сан-францисское
над женщинами глумится.
Уже наш поселок дымится!

Зачем нас мужчины из Чили
 в этот ад залучили?!
 Будь проклят злосчастный час!
 Да минует золото нас!
 Идут за кровью чилийца!
 Что делать нам, где укрыться?!

На сцену врываются Борзые.

Борзые. Зачем здесь эти тряпки?
 Чилиец. Это не тряпки. Я чилиец. Это мой флаг.
 Мексиканец. А это мой. Мексика! Я мексиканец, это мой флаг.
 Борзые. К черту! Это флаги туземцев!
 Чилиец. А кто их запрещал?
 Борзые. Мы — Белые! Мы — Борзые! Слыхали? Убрать флаги!

Пытаются вырвать их.

Чилийцы. Вот как?!

Вытаскивают кривые ножи. Свалка. Стрельба. От одного из выстрелов воспламеняется флаг — он превращается в пылающий факел. Борзые отступают.

ХОР.

И как-то в один из набегов борзые загрызли Тересу, жену моего земляка Хоакина, поэтому вы и услышали голос поэта, под вечер вернулся Мурьета, не видя, что роза кровавого цвета горит на груди у любимой: вот так на чужбине любовь Хоакина убили. Споткнувшись о тело подруги, суровый чилиец отпрянул в испуге, он мертвое тело целует и той, что была его розой и ясной звездой, закрывает глаза и клянется — клянется, всем телом дрожа, убивать и погибнуть, карая неправых и мстя за невинных, вот так и пришел он к разбою — влюбленный, которого честь и любовь повели за собою, и вот его сердце истерзано болью, и будет он бит беспощадной судьбою, и будет сражаться, со смертью играть и карать за обиду, пока не прольет свою кровь молодую на грязную пыль золотую.

Фасад дома Мурьеты. Появляются двое мужчин, один из них в балахоне, на другом техасская шляпа. Стучат в дверь.

Голос Тересы. Кто там?

Голос Тересы доносится из-за двери. Она не открывает. Пришельцы молчат. Они осторожно кружат около дома, обдумывая, как бы проникнуть внутрь. Снова стучат.

Голос Тересы. Кто там? Что нужно?

Балахон. Мистера Мурьету...

Голос Тересы. Хозяина нет! Уехал на прииски! Его нет.

Балахон. Very well! *

Бросаются на дверь, высаживают ее плечами и ударами ног. Врываются в дом. Грохот, шум погрома.

Голос Тересы. Помогите! Помогите! Убийцы!

Голос смолкает. Один из нападающих — тот, что в техасской шляпе, — выглядывает из двери и свистит. Появляются шесть-семь человек в балахонах и техасских шляпах.

Техасец. Come on! **

* Прекрасно! (Англ.)

** Пошли! (Англ.)

Входят в дом. Оттуда снова доносится грохот. Затем тишина. Неожиданно — протяжный крик Тересы. Проходит еще минута. Тишина. В доме раздаются два выстрела. Погромщики выбегают из дома. Первый из них — Кабальеро Мошенник, на бегу он быстро накидывает капюшон. Стук удаляющихся подков. Окошки в доме Мурьеты наливаются кроваво-красным светом. Из-под крыши струйками выползает багровый дым пожара. Сбегаются соседи: мужчины и женщины. Появляется Продавец Птиц, на спине у него большая клетка с голубями. Люди вбегают в дом, вытаскивают стулья, домашнюю утварь. Пламя не гаснет. Внезапно — голоса из дома.

Г о л о с а. — Ее убили!
— Это Тереса!
— Мертвая!..

Стоящие у дома женщины опускаются на колени. Скорбная музыка, она будет звучать до конца сцены. Мужчины обступают Продавца Птиц. Один из них, только что вышедший из дома с горкой гарелок, ставит их одну за другой у ног Продавца Птиц и говорит тихо, ни к кому не обращаясь.

Человек. Ее изнасиловали...

Гневный ропот пробегает по толпе.

Г о л о с а.— Дикари!
— Надо сообщить Хоакину!
— Послать за Мурьетой!

Продавец Птиц. Голуби, друзья мои, летите! Найдите его! Не возвращайтесь без Хоакина!

Голуби улетают. Продавец Птиц захлопывает клетку, вытирает слезы большим пестрым платком, медленно удаляется, проходя между стоящими на коленях женщинами.

Продавец Птиц. До каких пор?!
Женщины. До каких?!

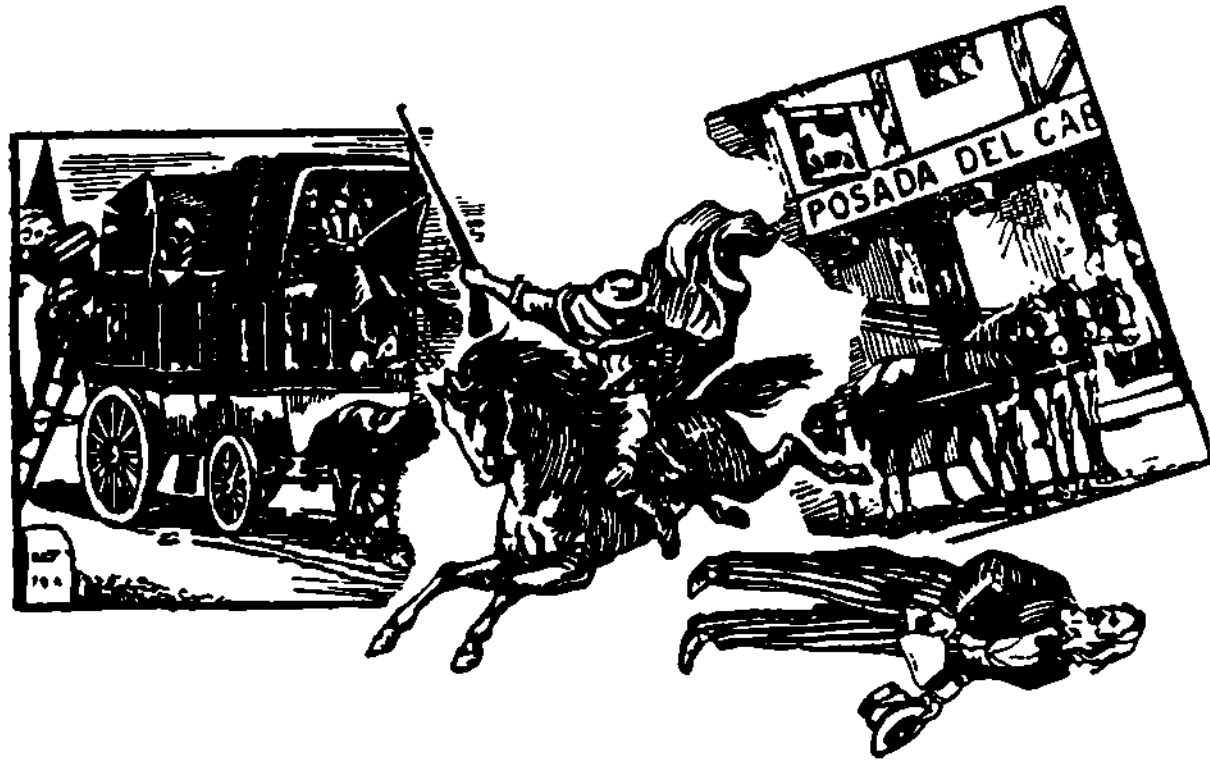
На экране возникает силуэт Хоакина Мурьеты. Тень увеличивается в размерах, приближается и словно бы входит в разрушенный дом. Долгая пауза, она прерывается трагическим вскриком — это голос Мурьеты. Женщины быстро поднимаются с колен.

ХОР

Возмездье — в железе, в ненастье и в ненависти, в обесчещенной чести, в камнях и в копье, в наказанье изгнанием, в разбитом покое, в пожаре. Далекий скиталец, ослепший от ярости, стонет во мгле и взывает о мести, он ищет в ночи искупления кровью, он, словно в угаре, мечтает о каре, проснется угрюмый — в седло и галопом по сумрачным тропам... О боже, что гложет его, что он ищет, что призрачно блещет в руке, беспощадно разящей?

Возмездье — вот имя молниеносное этой пылающей дрожи, которая гложет, тревожит весь день, и в мозгу копошится, и криком, всю кровь леденящим, несется над чашей — вершится возмездье: над кручей речною танцующий смертник на лошади скачет храпящей.

■ ■ ■

Картина пятая

ЗВЕЗДА ХОАКИНА

Силуэты повешенных, свисающих со стропил и с ветвей. Стремительный стук подков.

МУЖСКОЙ НАПЕВ

Сердце разбитое саднат,
плещет по ветру плащ,
скачет карающий всадник.
Гринго проклятый, плачь.
По улицам этим пустынным
смельчаки ушли на разбой,
они встретились с Хоакином,
а он — со своею судьбой.

Голоса. — Один есть!

— Второй упал!

— Уже их шесть!

— Все наповал!

МУЖСКОЙ НАПЕВ

Он летит на коне крылатом,
плащ за плечами пунцов!
И кого он подарит взглядом —
ай! —
того подарит свинцом!

Кто он — разбойник отпетый?
Его звать Хоакином Мурьетой.

Небольшими группами выходят женщины, мало-помалу их набирается целая толпа. В последующем Хоре отдельные голоса женщин и мальчика принадлежат солистам. В это же время на экране пройдут кадры на тему Хора.

ХОР

Где всадник крылатый, который за братьев и расу свою, за народ свой
отплатит?

Где мчит одинокий повстанец, в каком растворилося тумане его одеянье?
Где конь, где огонь Хоакина, где огненный взгляд Хоакина?

Всю ночь до рассвета он чертит потемки блуждающим светом.

Весь день, словно тень, скачет конь по земле, а в седле восседает
возмездье.

«Скачи!» — Хоакину кричит неустанно равнина, политая кровью невинной.

Слышен свист ветра.

Чалийка украдкой жарит на углях мясо для брата, которого пылью и кровью покрыла расплата.

Женщина пересекает сцену с котлом в руках.

«Отдай лиходею цветок, поцелуй ему руки, и пусть ему счастье сопутствует в этом ненастье!»

Девушка с цветком пробегает по сцене.

«А ты отнесла бы куренка», — хрипит еле слышно старуха, чья кожа пожухла.

Крестьянка с лукошком пересекает сцену.

И шепчет другая: «Отдай, дорогая, ружье, что осталось от мужа, — облитое кровью любимого мужа оружие».

Медленно проходит женщина с ружьем.

А мальчик коня деревянного ладит и молвит с мольбою во взгляде: «Возьми мою лошадь и гринго настигни, он брата убил — он убил его сзади».

Пробегает мальчик с игрушкой.

И всадник лошадку берет у ребенка, и с ветром в обнимку, за гринго вдогонку!

Стук подков, более высокий и частый.

Несется Мурьета! Пролитая кровь одинокому всаднику, в бешеной скачке по белому свету,

вступиться велит за планету, он верен завету, и в ту же минуту союзное солнце восходит над темной равниной, и тут же планета — периной —

под ноги усталые тех, кто убитых любимых своих не забыл и за братьев обиженных полною мерою платит,

и тут же над полем — видением странным — сиянье: а это весна горизонты тревожит

и грозная радость, которая знает: Возмездье с Победой, как сестры родные, похожи!

Хор отступает в глубь сцены. Луч света вырывает прячущихся в углу Рейеса и Трехпалого, они застыли в настороженных позах, как солдаты в траншее.

Рейес. Кажется, запахло жареным! Вы, который смыслите больше меня в том, в чем я смыслю меньше вас, — может быть, вы скажете, дружище, что нам теперь делать?

Трехпалый. Идти за Мурьетой! И быть с ним до самой нашей смерти!

Рейес. До вашей, дружище, до вашей! Почему вы распоряжаетесь моей? Разве вам ее подарила моя мамочка?..

Трехпалый. Еще там, в Копьяпо, я понял, дружище... Когда рвут скалы, когда взрывается фугас, земля дрожит, а небо заволакивает дымом, но зато и камень разлетается на мелкие кусочки. Стоит ли обращать внимание на грохот, на дым! Главное — камень, он твердый, и его во что бы то ни стало надо раздробить, разбить — или отдать богу душу! Разве вы не видите раненых братьев? Сколько крови пролито повсюду. Это наша кровь! Что и говорить, мы стары для этого дела, но от судьбы не уйдешь. Я верю: Возмездье ведет к Победе.

Появляется Индеец.

Трехпалый. Стой! Кто идет?

Индеец. Росендо Хуарес идет... Он ищет генерала Мурьету.

Трехпалый. А кто такой этот Росендо Хуарес?

Индеец. Росендо Хуарес это я.

Трехпалый. О чем же ты хочешь потолковать с Мурьетой?

Индеец. Хочу просить, чтобы он нас защитил.

Трехпалый. А что там у вас, индейцев, стряслось?

Индеец. Я расскажу о том, что исходит из глубины моего сердца, речь моя правдива, потому что Великий Дух смотрит на меня и все слышит. Это гринго лгут. Они отнимают у нас золото или выигрывают его у нас. Мы хотим прогнать их, и мы делаем это, как можем, камнями, луками, стрелами. Они говорят красивые слова, но слова есть слова. Словами не заплатит за наши обиды, за наших мертвых. Словами не вернешь моего отца из могилы. Словами не расплатишься за нашу землю, за наши табуны и стада, которые они у нас угнали. Красивые слова не вернут мне моих детей, не дадут здоровья моим братьям. Все люди были созданы одним и тем же Великим Духом. Если белые гринго хотят жить в мире с индейцами, то пусть живут в мире. Все люди — братья, и земля — их праматерь. Но вид моих братьев разрывает мне сердце! Мы должны драться, чтобы защитить себя! Росендо Хуарес кончил...

Трехпалый. Друг мой Росендо Хуарес, не близкий это путь. И все же нам по пути, дружище. *(Рейесу.)* Что вы скажете теперь?

Рейес. Скажу, что передумал, дружище Трехпалый.

Трехпалый. Так оно и должно быть. Ведь мы были вместе в стольких переделках. Пойдем же за Мурьетой! Затянем потуже ремни и в путь! К Хоакину! Хоакин, где ты?!

Слышится свист.

Голоса. Похоже, нам сюда...

Появляются трое мужчин.

Первый. Куда путь держите?

Трехпалый. Больше нельзя терпеть. Мы идем к Мурьете!

Второй. Я с вами!

Третий. Я тоже.

Голоса. Мурьета! Мурьета! Веди нас!

Толпа людей стремительно пересекает сцену.

ХОР

Потуже ремни затянули и в темень шагнули мужчины, взнуздали коней и, как молнии, — в ночь, по стопам Хоакина, суров его взгляд, и ведет он отряд своих мстителей, словно лавину, и головы дальние наземь летят, а сверкание ружей и отблеск ножей наполняют покоем печальные души: в серебряный траур одетый, без устали скачет Мурьета, и нету покоя от путника этого тем, кто поселки сжигает, — для сброда, который в неистовстве топчет невинные флаги скитальца-народа.

Из темноты доносится далекий звон колокольчиков приближающегося дилижанса. Через некоторое время можно различить стук подков и скрип колес.

Голос. А вот и они!

Слышится свист. Показывается человек в маске из банды Хоакина Мурьеты. Достает револьвер. Протяжно свистит. Появляются остальные. Свист разных тонов, от самых высоких — до низких и срывающихся, от резких — до длинных и залиvistых. Перегородив дорогу огромным валуном, все рас-

полагаются по обочинам, образуя засаду. Звон колокольчиков и стук подков слышны уже совсем близко. Щелканье бича. Из темноты, освещаемый собственными огнями, выплывает дилижанс. Видны лишь маленькие, слабо светящиеся окошки и два больших красных колеса.

Г о л о с а. — Стой!
— Что случилось?
— Грабят!
— Вылезай!

Кучер хватается за ружье, хочет прицелиться. Выстрел снизу. Кучер падает. Разбойник в маске подхватывает его ружье. К дверцам дилижанса подбегает Трехпалый.

Т р е х п а л ы й. Выходи! Где золото?
П а с с а ж и р. Какое золото?

Из дилижанса выходят семь пассажиров. Среди них есть женщины.

Г р а б и т е л ь. А багаж? Где груз золота?
П а с с а ж и р. Его нет! Золото еще вчера отправили в Сакраменто.
Здесь его нет. Клянусь, мой генерал.

2-й п а с с а ж и р. Сеньор чилиец, мы ни в чем не виноваты!

Г р а б и т е л ь. Не вертись!

2-й г р а б и т е л ь. Поищем! (*Начинает обыскивать дилижанс.*) Давайте что есть!

П а с с а ж и р к а. У меня есть распятие, освященное самим Епископом!

Отдает большое золотое распятие, усыпанное драгоценными камнями.

Г р а б и т е л ь. Распятие? Кидай в кучу!

Бросает распятие в кучу, куда другие пассажиры кидают драгоценности и кошельки.

Г р а б и т е л ь. А это что, кольцо? А вот и часы!

Пассажиры отдают кольца и часы.

Т р е х п а л ы й. Поищите-ка в чемоданах!

Разбойники открывают чемоданы и вываливают их содержимое на землю.

Г р а б и т е л ь. Глядите-ка, что прячут!

В окошке дилижанса показывается рука одного из грабителей с мешком золота. Другой грабитель принимает его. Радостные прыжки и крики.

Г о л о с а. — А вот еще один!
— Да не один!
— Еще один!
— Лови!
— Еще!
— И еще!

Внушительное, невероятное количество мешков и мешочков летит над головами, шлепаясь в кучу.

П а с с а ж и р (*с деланным удивлением*). А где это все лежало?

Т р е х п а л ы й. А разве не вы его везли?

Г р а б и т е л ь. Они, бедняжки, не знали!

Продолжают лететь мешки с золотом.

Г р а б и т е л и. — Ишь, овечки!
— Тихони!
— Хитрюги!
— Это наше золото!
— Вы хотели его увезти!

Г р а б и т е л ь (*из дилижанса*). Вот это да!

Голоса. — Что там еще?
— Тяжелый?..
— Золото?

Грабитель. Подороже всякого золота... Получайте!

Выволакивает из дилижанса Кабальеро Мошенника.

Голоса. — Это он, воруга!
— Вожак Борзых!
— Убийца!
— Тот, что прикарманил даже мой стеклянный глаз!
— Бандит!
— Это ты убил моего брата!
— Ты спалил мой дом!
— Теперь ты ответишь за все!

Из темноты поднимают одеревеневшее тело Кабальеро Мошенника, невероятно большое, с раскинутыми руками. Похоже, будто ставят чучело.

Грабитель. Прикончить его! Огонь!

Несколько выстрелов. Чучело неуклюже падает, накрывая мешки с золотом.

Грабитель. Теперь золото наше!

Во время этой сцены появляются окрестные жители. Это участники Хора. Они приближаются поглядеть, что происходит.

Голоса. — Это золото они отняли у нас!
— Неужели теперь вы унесете его с собой?
— А как же мы?!

Трехпалый. Именем нашего командира Хоакина Мурьеты!.. Слушайте и повинуйтесь!

Наступает почтительное молчанье. Люди подтягиваются, строятся в ряды.

Трехпалый. Перво-наперво, отдайте распятие. Может быть, когда-нибудь бог и научит богатых уважать бедноту. А пока что этому должны их учить мы. (*Распятие возвращают владелице.*) А теперь раздайте золото народу! Пассажиры могут ехать дальше!

Начинается суматоха. Множество рук тянется к золоту. Люди весело приплясывают, перекликаются. Пассажиры торопливо, испуганно оглядываясь, поднимаются в дилижанс. Вдогонку им — голоса.

Голоса. — Адью, Помпадур!
— Счастливого пути, простофили!
— Good-bye *, Мистер Кошелек!
— Yankees, go home!**
— Возвращайтесь побыстрее да полненькие!

Трехпалый. А теперь в дорогу, на Арройо Кантова! Там нас ждут! По коням!

ХОР РАЗБОЙНИКОВ

Нож на нож — не найдешь
веселей житья!
Укокошат ни за грош,
мамочка моя!
Здесь картёж и кутеж
и стоит ругня!
Кто напорется на нож,
не вини меня!

* Прощайте (англ.).

** Янки, убирайтесь домой! (Англ.)

Здесь никто не даст и дули
за небесное жильё,
коли я загнусь от пули —
под землей жильё мое!

Смерть возьмет в оборот —
буду жить в земле, как крот!

Я священнику и службе
черепушки размозжу!
А сердечко молодухи
съем и пальчики оближу!..

Дилижанс скрылся из виду. Грабители, кончив распределять между жителями мешки с золотом, уходят, напевая песню. Вскоре она стихает вдали.

ХОР

О новые воины, пусть вместо денег правитель другой во владеньях
земных воцарится,
да сгинет убийца, готовый весну задушить и кровавым дождем над
ребенком пролиться,
да славится до скончания света разбойник Мурьета, чилиец с душою
провидца:
он грязным насильникам путь преградил, у которых все есть, но кото-
рым не спится,
неймется, которые все оскверняют и все убивают на свете.

Появляется группа Балахонов, они видят тело Кабальеро Мошенника.

1-й Балахон. А это кто такой?

2-й Балахон. Да ведь это же Он!

3-й Балахон. Он мертв!

4-й Балахон. Он жив!

1-й Балахон. Этот не умрет! Эй! Ты слышишь нас? Говорить можешь? Кто они?

Кабальеро Мошенник (*дрожащим голосом*). Из шайки Мурьеты. Они унесли все золото. Убили пассажиров. А женщин зарезали.

Борзые с трудом поднимают Кабальеро Мошенника. Тот отряхивает свой испачканный костюм: он приободрился, напяливает измятую шляпу и мало-помалу приходит в себя, становится все таким же бойким и хватким.

Кабальеро Мошенник. Он должен умереть!

Борзые. Он умрет!

Кабальеро Мошенник. Он крадет у нас то, что мы награбили с таким невероятным трудом!

Борзые. Он умрет!

Кабальеро Мошенник. Он подрывной!

Борзые. Он умрет!

Кабальеро Мошенник. Все они туземцы! Где им понять прогресс!

Борзые. Он умрет!

Кабальеро Мошенник. Вот и поклянемся, что он умрет!

Борзые поднимают к небу свои огромные револьверы и одновременно палят в воздух.

Борзые. Он умрет!

Поспешно убегают.

ХОР

Дружище разбойник, прощай, уже близок твой час, и неясный конец уже ясен:

известно, Мурьета, ты — словно комета, не знаешь маршрута, известно, что ты в своей ярости сбился с дороги, как горный ручей одинокий, но я воспеваю тебя, потому что ты грозною гроздью расплаты приблизил
 начало рассвета,
 и близится час, когда в мире не будет насильникам места,
 и славное дело твое не останется темным секретом, Мурьета!

Под полифоническую музыку, исполняемую на органе, вступает Поющий Хор.

ПОЮЩИЙ ХОР

Как вечер в потемки — так в траур душа человека одета,
 пока в беспробудной ночи не затеплится кромка рассвета,
 так всходят из мести ничтожной побеги надежды надёжной,
 немало печалей избыто, но есть у нас нынче защита!
 Забудутся вздохи и страхи, и честь не погибнет на плахе.
 Все в дом будут вхожи: испанский язык, все соцветия кожи.
 Возмездье нависло над псами в их собственной псарне!
 Свое потайное орудье — свой меч — отдает Правосудье
 Мурьете, и с этого часа глядит на Мурьету вся раса!
 Прими, справедливо карающий, низкий поклон от товарищей!
 Да славится имя твое до скончания света, Мурьета!

Несколько мгновений звучит только орган (или Хор, поющий мелодию закрытым ртом). Вступает Хор Декламаторов, который, читая текст, имитирует происходящее.

ХОР

А мать говорит: «Я пшеница без зерен, и лик мой теперь
 не медового цвета — он черен:
 нет больше сокровища в сердце моем, потеряла я сына,
 мой Педро повешен, его умертвили, я плачу, но подвиг Мурьеты
 мне высушил слезы. Спасибо Мурьете за это...»

Сцену пересекает женщина.

А рядом другая рыдает, припавши к портрету убитого брата,
 и землю целует, где конь проскакал Хоакина Мурьеты.

Женщина в трауре, с медальоном на груди, медленно проходит по сцене.
 Снова вступает Поющий Хор, повторяющий, широко и взволнованно, последние фразы своей кантаты.

ГОЛОС ПОЭТА

Ответьте поэту: кто большей любви удостоен, чем этот таинственный
 воин?

Кого еще люди, в печали, настолько в страданья свои посвящали?!
 Не знаю, но кажется мне, что земляк мой далекий
 достоин в подарок принять мои теплые руки и строки:
 не пряча лица, кулаков и висков, он в открытую дрался
 за скромную радость простых бедняков, у которых бесчестный захватчик
 все отнял,

и в сумраке ночи от спячки очнулось светило и спящий народ пробудило,
 который по алому следу пустился за воином ясным с печальной
 судьбою —

за тем, кто карает и сам умирает, идя за своею звездой.

Поэтому вы и ответьте поэту: какая кантата способна воспеть
 Хоакина Мурьету,

разбойника и кабальеро, который дал веру обиженным людям?
 Есть имя у ярости моего земляка, и зовется она — Правосудьем!

■ ■ ■

Картина шестая

СМЕРТЬ МУРЬЕТЫ

На сцене полная темнота. Неожиданно — выстрел. Через несколько мгновений — беспорядочная пальба. И вновь тишина. Из мрака выплывает белое, словно меловое, лицо женщины; обрамленное чилийской шалью, лицо резко выделяется в темноте. Поодаль — бесформенной массой — неподвижный Хор. Под аккомпанемент гитары Бродячего Музыканта, находящегося за сценой, женщина читает Почти Сонет.

ПОЧТИ СОНЕТ

Но в этот вечер — ай! — его убили:
подруге мертвой он принес цветок,
и тут герой увидел — он в ловушке,
жизнь двери запирает на замок.

Из-за могил в него стреляют янки,
кровь по плечам струится, горяча.
Когда сто пуль трусливых просвистело,
смельчак упал, в сто ран кровотока.

Он на погосте сотни бусин красных
просыпал там, где из глубин неясных
убитая любовь его звала...

Так чистой кровью, что враги пролили,
подругу он поцеловал в могиле.
И там, где он угас, любовь цвела.

Новые выстрелы. Хор отступает в глубину сцены, образуя подобие погребального фриза по обе стороны скромной могилы. Одновременно под напряженный ритм безумной музыки на сцену врываются шесть танцовщиков с головами Борзых, они исполняют бешеный танец: лающие, воющие, обнюхивающие каждый камень псы идут по следу за добычей. По жестам видно, что они вооружены: Борзые то и дело прицеливаются, заметив что-нибудь подозрительное. Демонический ритм, атмосфера звериной ярости. Два Солиста, отделившись от Хора, выходят вперед и встают по краям сцены. Во время танца Борзых они как бы предупреждают Мурьету об опасности, стараясь перекрыть голосами шум музыки и танца. Дуэт начинается сразу же после первого выстрела.

- 1-й Солист. Слышишь — песок
 плачет, печальный?
2-й Солист. Слышишь — часов
 бой погребальный?
1-й Солист. В петлю не лезь!
 Сгинешь задаром!

- 2-й Солист. Псы уже здесь!
 1-й Солист. Плакать гитарам!
 2-й Солист. Крови твоей
 жаждут, каналы!
 1-й Солист. Скройся скорей!
 2-й Солист. В дальние дали!
 1-й Солист. Псы на следу!
 2-й Солист. Жизнь на исходе!
 1-й Солист. Слышишь беду?
 2-й Солист. Смерть на охоте!
 1-й Солист. Рыщет она
 сворою песьей!
 2-й Солист. Разве нужна
 роза Тересе?
 1-й Солист. Парень, беги!
 2-й Солист. Сон Тереситы
 не обожги
 кровью пролитой.
 1-й Солист. Вслушайся в ночь —
 чуешь угрозу?
 2-й Солист. В сторону, прочь!
 1-й Солист. Брось свою розу!
 2-й Солист. Взор твой умрет,
 верь своим братьям!
 1-й Солист. Руки вразлет —
 наземь, распятем!
 2-й Солист. Ни пить, ни есть!
 1-й Солист. На коня не сесть!
 2-й Солист. Забудь про честь!
 1-й Солист. Забудь про месть!
 2-й Солист. Уже тебе головы не снести!
 1-й Солист. След твой взяла
 страшная стая!
 2-й Солист. В колокола
 небо рыдает!
 1-й Солист. Копит луна
 стон в поднебесье!
 2-й Солист. Кровь не нужна
 бедной Тересе!
 1-й Солист. Ей не до роз!
 2-й Солист. Сколько пролили
 крови и слез!
 1-й Солист. Что там?..

Внезапно танец обрывается, Солисты смолкают. Сноп света падает на центр сцены и начинает перемещаться в глубь сцены — туда, где могила. Когда свет касается могилы, Борзые, притаившиеся по углам, стреляют. Свет становится красным, и огромный цветок раскрывается над могилой Тересы.

1-й и 2-й Солисты. У-би-ли!

Снова — яростная музыка. Борзые бросаются на могилу и несколько секунд возятся там, словно рубя или отрубая что-то, невидимое зрителю. Затем убегают. Музыка смолкает. Цветок исчез. Женский Хор выступает вперед — звучит Причитание.

ПРИЧИТАНИЕ

Ушел он, целуя землю,
 где его подруга спала,
 убили его безоружного,

лишь роза в руке была
 для Тересы его бездыханной.
 Цветок этот был повторён
 каждой открытой раной —
 вот так могилу Тересы
 усыпал розами он...
 С цветком в руке Хоакин
 растворился в потоках крови.
 Как молния, умер он
 у милой своей в изголовье.
 Настолько боялись его,
 что долго еще, несмело,
 по шажку приближались к нему,
 стреляя в мертвое тело.
 И даже когда увидали,
 что ему не подняться с земли,
 чтоб не воскрес — Хоакину
 голову отсекли,
 трусы павшему воину
 голову отсекли,
 когда уже не дышал он,
 голову отсекли,
 мертвеца Хоакина Мурьету
 так боялись жалкие тли,
 что когда он не мог защищаться,
 не мог подняться с земли,
 они от смертного страха
 ему голову отсекли...

Неожиданно слышится гул барабана и звуки трубы бродячего цирка. Хор
 разделился на две группы, заняв места по сторонам сцены. Появляется яр-
 марочный балаган, разделенный на две части занавесом. В одной части
 находится Балаганщик, это все тот же Кабальеро Мошенник. Он зазывает
 прохожих в балаган. В другой половине в круглой клетке покоится голова
 Хоакина Мурьеты. Размеры головы больше обычного, струйки из капель
 крови, словно алые четки, свисают до пола. Глаза открыты. На протяже-
 нии всей сцены через балаган нескончаемой вереницей проходят люди —
 это одни и те же актеры: уходя со сцены, они быстро меняют шляпы, кос-
 тюмы, шарфы или корзины, зонтики, детей на руках и тут же выходят
 снова.

БАЛАГАНЩИК

Прошу вас here * в балаган,
 for only twenty ** монеты —
 запертый в клетке тигр:
 here is *** голова Мурьеты!
 Freedom, freedom **** и бизнес,
 всего лишь за twenty сентаво —
 обезглавленный Хоакин,
 повеселитесь на славу!
 Here. Here за двадцать cents,
 за twenty монеты, сеньоры,
 тигрячая голова,
 закрытая на запоры!
 Сеньоры, за двадцать cents,
 единственный случай — спешите!

* Сюда (англ.).
 ** Только за двадцать (англ.).
 *** Здесь находится (англ.).
 **** Свобода, свобода (англ.).

Голова Хоакина Мурьеты,
наконец-то в отрубленном виде!
Дешево — двадцать cents,
поглядите на живодера,
который нас так пугал,
за twenty сентаво, сеньора!
Freedom, freedom и бизнес,
всего лишь за twenty сентаво —
обезглавленный Хоакин,
повеселитесь на славу!

Вперед выходят женщины. Они читают Женский Хор, как бы стыдя публику в зале. Обращаясь к публике, они спускаются в партер, продвигаются к выходу и с последними словами выходят в фойе.

ЖЕНСКИЙ ХОР

Женщина. Как же голову его
в балагане
вы оставите врагам
на поруганье?
Другая. За вас он вершил возмездье,
обидчиков ваших гроза!
Другая. Оставить его в этом месте!
Не закрыть мертвецу глаза!
Другая. Он в песках проносился шквалом
и мстил за обиды сполна,
за нас Борзых убивал он!
Другая. Что же — в жилах кровь холодна?
Другая. Души у вас погасли?
Другая. Не чилийские руки у вас?
Другая. Ноги в глине увязли?
Другая. Он смотрит, но ваших глаз
не находит — смотрит с мольбою,
от позора просит спасти...
Другая. Неужели же нам с тобою
его голову не унести?
Другая. Чтоб она у Тересы в могиле
нашла местечко свое?..
Другая. Гринго Тересу убили!
Он мстил за красу ее,
но встала смерть на пути!
Все. Надо голову парня спасти!
Женщина. За что же он грязью облит,
за что поруганы здесь
осанка его и облик,
гордость его и честь?!

Другая. Да так, чтобы всем было видно?!

Другая. Какая низость и грязь!

Другая. И вам не больно? Не стыдно?

Все. Надо голову парня украсть!

Вступает Мужской Хор. Действия его те же, что и Женского Хора.

МУЖСКОЙ ХОР

Мужчина. Чего мы ждем, мужчины! Пробил час!
У нас есть руки! Есть сердца у нас!
Другой. Я из Серены. Мы за счастьем плыли.
Все, что я нажил, — горстка желтой пыли,
и кроме мук мне нечего терять.

Жена в Серене, мой отец и мать...
 Мне больше не увидеть их... Я с вами!
 С Мурьетой с детства были мы друзьями.

Другой. Я лонкомилец, и меня не трогай!
 Я как река, теку своей дорогой!
 Мне эта голова терзает душу!
 Умру за Хоакина я, не струшу!

Другой. Я с Чилоэ, а там весною синей
 капель поет, стучит по древесине...
 Я в памяти баюкаю мой остров,
 да, видно, здесь, друзья, сгинет мой остов...
 Я балаган сломаю, если надо!
 Запоры и замки мне не преграда!

Другой. Эй, люди из Виктории, Черкенко,
 из Лебу, из Ранкагуа и Кильоты,
 Тонгоя, Ренаико и Перкенко,
 Парраля и Тальталя! Патриоты
 из Насимьенто, Пуа, Талаганте,
 сломайте балаган,
 стеною встаньте
 на торгаша!
 Лишим его
 души и барыша!

Все. Выкрадем из балагана
 голову капитана!
 Хоть он душу богу не вверил,
 погребем его в нашей вере —
 пусть он ляжет с мечом своим вместе
 в могилу к милой невесте!

Появляется кортеж. В глубине сцены группа женщин, они молятся тихими голосами, стоя спиной к публике. Кортеж появляется из фойе, по проходу он движется к сцене. Впереди идут Трехпалый и Рейес, они несут голову Мурьеты. Все идут в полном безмолвии. Слышится только музыка. В то время как кортеж проходит мимо публики в зале, молящиеся на сцене женщины поднимаются, расступаются, открывая могилу Тересы. Кортеж поднимается на сцену, подходит к могиле. Во время шествия, с самого его начала, звучит Хор.

ХОР

Так в золото кануло тело, покрытое порохом и позолотою похоронной, — чилиец сраженный, без солнца, солдат без креста и штандарта, кровавое, кровоточащее чадо, рожденное золотом и человеческой злобой, бедняк беспощадный, скиталец упорный, — по золотой Калифорнии, как замороженный, за светом проклятым бежал он, гонимый судьбою, он золотом был порожден и на смерть осужден, он был выслежен золотом и смертоносной алчбою.

Полночный чилиец, гонимый и остро ранимый бессменной болью, несчастный солдат и влюбленный, лишенный подруги и дружбы, лишенный далекой чилийской весны и нехитрых веселий, которые все мы так любим доселе, которые он защищал при луне, атакуя на черном своем скакуне, как январская молния, быстрый и точный, порою полночной он мстил за своих и погиб, но не сдался, и если разбойником был он — мне важно не это, а то, что Мурьета приблизил великую пору рассвета, который все тени сживает со света, все тени хоронит руками пунцового света; мне важно, что час наступает, мгновение это, в котором находим мы вечную сладость земную,

и с болью и с боем любовь добываем — опору весеннего неба,
но не было знамени у Хоакина, была только смертная боль, и несчастный
влюбленный
увидел убитой любовь, а ее Балахоны убили, и странник, покинувший
Чили, чтоб стать знаменитым,
по воле всеильного золота стал знаменитым бандитом, убийцею был,
а потом — и убитым.
Покой его праху!.. А розу, которую нес он, вручим опочившей Тересе,
всемирной любви и боли, всей пролитой крови, а после замрем
у ощеренной злобно пещеры,
ждемся, когда — обессилев — в нее возвратится слепое насилье,
а разум на свет народится
и вырастет вровень со спелой пшеницей, а золото знаться не будет
с убийцей,
а хлеб перестанет горчить оттого, что замешан он был на кровавой
водице.

Над кладбищем висит луна. Мужчины копают. Некоторые женщины молятся.
Внезапно все замирают в позах, в каких находились в это мгновенье. Гово-
рит голова Мурьеты. Могильщики неподвижны, и только Бродячий Музы-
кант сопровождает монолог еле слышной музыкой. Доносится завывание
ветра над равниной.

ГОВОРIT ГОЛОВА МУРЬЕТЫ

Один... Не слышно слов моих отныне:
мертвец — дитя, кричащее во тьму.
Но стоило ли умирать тому,
кто был при жизни странником в пустыне?

С вершин любви — к свиданию с могилой.
Из полдня битвы — в полночь забытья...
Теперь в руках моей Тересы милой
уснет шальная голова моя.

Казнить убитых — дьявольское дело!
Но я трусливых не за то клянусь,
что отделили голову от тела,
а что у мужа отняли жену!

Умершая ждала меня живого,
я к ней спешил, и был кровавым путь
к жене, и не было пути иного,
чем убивать, подставив пулям грудь.

И с этих пор я — голова без крови,
мои слова моих не тронут губ,
я мертв, а мертвые звучат не в слове —
в дожде и в шелесте осенних куп...

Но как дойдет до будущего люда
вся правда, если стал туманом я?
И я прошу: пусть через век, друзья,
помянет обо мне Пабло Неруда.

Нет, не за зло, содеянное мною,
не за добро, а лишь за то одно,
что честь моя светила мне звездой,
когда я в горе камнем шел на дно...

А время будет течь весною вечной,
и вспомнят жизнь мою — она была
не столь уж горькой, не бесчеловечной,
не ласкова и не настолько зла.

У каждой жизни есть конец. А там,
где явь, где сон,— давным-давно забыли...

Насильники мою любовь убили.

И боль свою я завещаю вам.

С последними словами монолога актеры «оживают», продолжая делать то же, что и до этого. Никто ничем не показывает, что слышал голос Мурьеты. Продолжают копать. На взрыхленную землю опускается маленький флаг. Все уходят, остаются лишь Рейес и Трехпалый, стоящие у свежерытой могилы. В тишине — Финальный Хор.

ФИНАЛЬНЫЙ ХОР

Сын Чили в могиле почует, и роза с ним рядом — в могиле,
попавший в засаду бандит был убит, его рядом с женой положили.
Крадется луна ярко-красная вверх по небесным ступеням.
А ночь поглощает убийц и убитых, и в бархатных далях по всем
направленьям
холодные катятся звезды, и тень чужестранца серебряными колосками
расшита,
и здесь, в царстве смерти и ночи, я кончил кантату свою про бандита.

Не мне порицать этот шквал огневой, что держал всю округу в испуге.
Оспорить ли горе того, кто лишился подруги! Отважно он жил, горячо,
но и был обреченным: нам это не внове —
иного пути этим душам пылающим и не найти, и у смерти для них есть
все время огонь наготове,
их пламя своими зубами терзает, сжигает, в свое возвращая гнездовье:
они утверждают себя, погибая на пламени собственной крови.

Мурьета, разбойный повстанец, в напеве моем возвращается в Чили,
в чилийские шахты, к металлу,
он клятву сдержал, он карал до последних мгновений. Но мало-помалу
отчизна забыла об ужасах прошлых, и вот голова его стала
далекой блуждающей тенью былых сновидений, красивой легендой
без конца и начала.

Несется по воздуху, встанет на отдых и снова на Юг, на коне
ярко-красного цвета!
Несется Мурьета, а реки устами серебряными ему напевают, и слышится
голос поэта.
Был тяжким и яростным путь Хоакина, и с этой минуты — надгробьем
солдату —
Народ повторяет, как колокол гулкий, рассказ этот долгий, прескорбную
эту кантату.

Музыка. Рейес и Трехпалый замирают, словно по команде «смирно». Они держат перед собой винтовки, не отрывая прикладов от земли. На лицах — торжественность и решимость.

КОНЕЦ ПЬЕСЫ